

Трудные роды сильно истощили Асира. К счастью, в Городе богов струился неиссякаемый поток прекрасной энергии Хвер. Она не просто витала в небесах, лаская просторы подобно нежному весеннему ветру, но и проникала в саму землю золотыми нитями, вплетаясь в стены величественных залов из древнего иссиня-черного камня. Эта сила, служившая первоосновой всего живого, восстанавливала угасающий источник жизни Асира путями, непостижимыми для Хань Цзина. Возможно, в этом и заключалась главная тайна Города богов?

Хань Цзин не знал ответа. Он лишь видел, что Асир восстанавливается гораздо быстрее, чем можно было надеяться: всего через полмесяца беспомощности тот уже смог подняться на ноги. И как только тело Асира вновь окутало мягкое энергетическое свечение, золотое сияние, заполнявшее чертоги, окончательно угасло. Замок погрузился в привычный полумрак, вернув себе вечный иссиня-черный оттенок.

Асир стал величественным, холодным и властным — по крайней мере, на людях.

Наедине с Хань Цзином и дочерьми его суровость смягчалась, но к прежнему облику он так и не вернулся. В его обращении сквозила сдержанность; былой нежности и близости, что когда-то дарил Морис, больше не чувствовалось.

Их отношения застыли в хрупком, зыбком равновесии. После того единственного поцелуя, сорвавшегося в порыве чувств, Хань Цзин больше не смел прикоснуться к нему — Асир деликатно, но твердо избегал любого физического контакта.

Хань Цзин грустно вздохнул, вглядываясь в чужое небо. Далеко внизу величественные храмы, сверкающие неземным великолепием, походили на россыпь упавших звезд, преломляющих свет всеми мыслимыми красками. Огромные Радужные врата казались отсюда крошечными, точно пуговицы. Раскиданные по всему горизонту, они связывали между собой святилища, где молились и преклоняли колени бесчисленные расы Вселенной.

Хань Цзин ни разу не спускался туда. Самым далеким рубежом, который ему позволялось исследовать, оставалась эта обитель у самого сердца защитного купола — запретные земли под властью великих Рун, где обитали истинные боги.

Судя по всему, эти покои служили Асиру личной резиденцией, где он принимал своих соплеменников.

Собратьев Асира, других легендарных Рун, Хань Цзин видел лишь однажды. Тот пришелец обладал такой же сияющей золотом радужкой, струящимися серебряными волосами и мягкой светящейся аурой. Но при встрече с Асиром он склонял голову в почтительном поклоне. В нем не было аристократического высокомерия Асира, зато сквозило леденящее равнодушие — в глазах этого существа Хань Цзин не заметил и намека на человечность.

Асир же, глядя на него, порой не мог скрыть затаенного чувства, легкой рябью пробежавшего в глубине золотых глаз...

Отгнав нахлынувшие мысли, Хань Цзин огляделся. Каждый день он приходил в эту комнату, залитую сапфировым свечением. Сквозь огромное панорамное окно из прозрачного материала, напоминающего кристалл Туаой, открывался головокружительный вид на окрестности. Самое удивительное, что это роскошное помещение было всего лишь кухней — технологическим чудом сверхцивилизации, которое Асир приказал перестроить по его вкусу.

Когда-то Асир с усмешкой спросил его: «Варить суп? А ты умеешь?»

Умел. В те далекие годы ради Мориса он действительно освоил кулинарию и научился готовить то, что его любимый ценил больше всего. Но здесь, в Городе богов, Хань Цзин чувствовал себя беспомощным ребенком, не способным даже разжечь огонь без помощи мудреных механизмов.

В этом месте не росли ни цветы, ни деревья. Вокруг царила холодная иссиня-черная сталь высокотехнологичной цивилизации.

Всю еду, изысканную и невероятно вкусную, доставляли сюда в готовом виде — дары бесчисленных святилищ нижнего мира. Но Хань Цзин упрямо пытался готовить сам, по-старинке. Ему казалось, что только за простым физическим трудом его истерзанная душа находит минутное облегчение.

О многом... слишком о многом Хань Цзин боялся думать. И ради дочерей заставлял себя гнать эти мысли прочь.

В какой-то момент нож в его руке сорвался. Острая вспышка боли обожгла палец.

Вздрогнув, он отложил лезвие, привычным движением стер кровь со стальной поверхности и зажал рану. В ту же секунду со стороны коридора раздался залиvistый смех и быстрые, легкие шаги.

— Папа! — Кэтрин, сияя счастливой улыбкой, подбежала к нему, бережно держа в руках поднос. — Смотри, что я нашла среди сегодняшних даров! Выглядит очень аппетитно! Сказали, это деликатес с планеты Камера, высшего качества, уровня «Камера».

Кэтрин многого не знала. Ей просто показалось красивым это мясо — нежные ломтики с тонкими золотистыми прожилками, складывающимися в причудливый узор.

— Планета Камера?.. Уровень «Камера»? — лицо Хань Цзина мгновенно побелело, по спине пробежал леденящий холод.

Он застыл, не в силах отвести взгляд от тарелки. Эти тонкие полупрозрачные кусочки мяса, испускающие едва заметное золотистое свечение... В одно мгновение его сердце рухнуло в бездонную ледяную пропасть. До конца своих дней он не забудет трагедию миссии SG-I — кровавую бойню, безжалостное истребление тритонов и русалок. То, что держала его дочь,

было плотью его вечного кошмара.

Значит, уровень «Камера»... Все русалки пали под проклятием Рун, и лишь Симо стал исключением. С помощью Элохима он обрел древнюю генетическую память, спасся от безумия и превратился в то, что чужаки благоговейно именовали высшим классом «Камера».

Неужели это... плоть Симо?!

Перед глазами Хань Цзина мгновенно возник прекрасный образ: колдовские фиолетовые глаза, длинные черные, как ночь, волосы, тепло их недолгих встреч. К горлу подкатил удушливый ком. Хань Цзин отказывался верить в худшее, но ведь Симо ради любимого человека когда-то отказался подняться на борт улетающей Атлантиды... Это было вполне возможно.

От ужаса пальцы Хань Цзина онемели и мелко задрожали.

— Папа? Что с тобой? — Кэтрин робко потянула его за рукав, мгновенно уловив перемену в его состоянии.

Хань Цзин вздрогнул и попытался взять себя в руки. Скрыв глубоко внутри разрывающую сердце боль, он вымученно улыбнулся:

— Папа... не умеет готовить это мясо. Давай лучше сварим твой любимый нежный суп с лобстером и сливками, идет?

— Сливочный суп с лобстером? Ура! — запрыгала от радости девочка. — Я впервые попробовала его дома у дедушки Гранта. Твой суп получается невероятно вкусным, ничуть не хуже, чем у госпожи Моники! Вот когда отец отыщет дедушку и всех остальных, дедушка Грант точно будет в восторге.

— Что ты сказала?.. Дедушка?! — голос Хань Цзина сорвался на сиплый шепот. Он крепко, до боли схватил дочь за плечи. — Какого дедушку? Твой отец ищет их?!

— Да, — испуганно пролепетала Кэтрин. — Папа, что происходит? Отец обещал, что обязательно найдет для меня дедушек, бабушку и дядю Лэнса... Он сказал, они просто затерялись в бескрайнем космосе, но мы их обязательно отыщем. Папа?.. Папочка, тебе плохо?!

Видя, как мертвенно побледнело лицо отца, девочка не шутя испугалась и заплакала.

Взгляд Хань Цзина лихорадочно заметался. Глубоко вдохнув, он заговорил — тихо, надтреснуто, но с пугающей серьезностью:

— Кэтрин, послушай меня внимательно. Я не хочу лгать тебе так, как это делает твой отец. Когда ты была совсем маленькой и сильно болела, случилась страшная катастрофа. Почти все погибли. Твои дедушки, бабушка, дядя Марко, твоя тетя со своим мужем... все, кого мы знали. Выжили только мы с твоим отцом и ты. Это чудо, что мы уцелели.

— Неправда! Отец никогда такого не говорил! — Кэтрин замотала головой, слезы брызнули из ее глаз.

С трудом сдерживая рыдания, Хань Цзин опустился на колени и крепко прижал к себе дрожащую дочь.

— Смерть — это то, что предначертано каждому, Кэтрин, и ты должна научиться принимать суровую правду. Твоих родных больше нет в живых. И наступит день, когда меня тоже не станет рядом. Я не смогу вечно оберегать тебя.

— Нет! Отец обещал, что все будет иначе! Он клялся, что ты навсегда останешься с нами! — рыдала девочка, отчаянно цепляясь за его шею. — Сколько бы тысяч лет ни прошло, мы будем вместе! Папа не позволит тебе уйти! Или... или ты больше не любишь нас?!

Кэтрин безутешно плакала, ее лицо промокло от слез. Каждое ее слово ранило Хань Цзина в самое сердце. Он сжал ее в объятиях еще сильнее.

— Послушай меня... Что бы ни случилось, помни: папа любит тебя всем сердцем. И тебя, и твою сестренку. Я никогда не покину тебя по-настоящему. Пока этот кулон с тобой, моя душа всегда будет рядом.

Хань Цзин с трудом сглотнул подступившие слезы и достал из-под одежды подвеску — точно такую же, какая когда-то была у Кэтрин. Внутри этого парного кулона хранилась старая семейная фотография.

— Когда вырастешь, ты все поймешь. В этом мире нет однозначно правых и виноватых. Все зависит от того, на чьей ты стороне. Из-за этого люди никогда не придут к согласию.

— Папа, о чем ты говоришь? — Кэтрин сжала подвеску в ладонях, почувствовав, как детское сердечко сжимает липкий, необъяснимый страх.

Смахнув слезы, Хань Цзин вымученно улыбнулся и ласково погладил ее по голове:

— Пустяки. Просто нахлынули воспоминания. Отнеси это обратно, а я займусь супом с лобстером, — он забрал у нее тарелку с плотью русала. — Беги, проведай сестренку. Вдруг она уже проголодалась? Если захочет есть, сразу беги ко мне.

Девочка послушно кивнула и попыталась отстраниться, но Хань Цзин в порыве отчаяния вновь

прижал ее к себе и нежно поцеловал в лоб.

— Я безумно люблю тебя, Кэтрин. И твоего отца... тоже люблю, — прошептал он сквозь слезы, прежде чем осторожно оттолкнуть ее. На его губах блуждала горькая, измученная улыбка.

— И я тебя люблю, папочка, — Кэтрин растерянно обняла его на прощание и медленно побрела к выходу, то и дело оглядываясь.

Едва Кэтрин скрылась за дверью, слезы хлынули из глаз Хань Цзина безудержным потоком. Вид плоти русала уровня «Камера» заставил его осознать страшную истину: Асир до сих пор отслеживал уцелевших беглецов с Атлантиды. Прятаться за зыбкой стеной самообмана и малодушно бежать от реальности больше не получалось.

Последняя иллюзия рассыпалась в прах. Хань Цзину пришлось лицом к лицу столкнуться с беспощадной правдой: его родители, близкие, старшие сокурсники, друзья и вся человеческая цивилизация — прямо или косвенно — были стерты с лица Вселенной беспощадной волей Рун.

А ведь Асир — владыка этих Рун, их верховное божество. От этого осознания невозможно было скрыться. Душевная боль и терзания совести выжигали Хань Цзина изнутри, превращая каждый вздох в пытку.

Покинув дворец, он направился к самому сердцу защитного барьера Города богов. Вокруг, как и прежде, струились потоки Хвер, лаская пространство невидимым дыханием и рассыпаясь мириадами золотых искр. Но внутри Хань Цзина царила лишь ледяная пустота. Впервые за все время он решился переступить порог глубочайшего святилища — священной запретной зоны, где разум его дочери Кэтрин некогда овладел новым телом.

«Кто я для него?» — с горечью думал Хань Цзин.

Что он значил для Асира? Быть может, тот и питал к нему крупицу искреннего чувства, но это не меняло сути: Хань Цзин оставался человеком — представителем низшей расы, искусственно созданной богами. Клеймо ничтожного существа невозможно смыть.

«Во что превратилась моя жизнь?»

Все его прежние знания, весь авторитет и бывшая уверенность перед лицом этой великой сверхцивилизации обратились в ничто. Он не умел и не значил здесь ровным счетом ничего, уподобившись жалкой птице в золотой клетке, которую рано или поздно наскучит кормить хозяину.

И все же ради дочерей он упрямо цеплялся за жизнь. Но почему Асир не желал оставить человечество в покое? Зачем он лишил его последней лазейки, возможности спасительного забытья?..

Давясь безмолвными слезами, Хань Цзин шел к самому центру Города богов. Под его ногами на иссиня-черной земле проступали бесчисленные светящиеся узоры, о которых говорила Кэтрин. Они напоминали корни гигантского дерева, густо оплетающие почву. Золотистые волокна то разгорались, то затухали в беззвучном, мерном ритме, словно обладали собственным разумом и дыханием.

Ему не было страшно. Тот, кто потерял волю к жизни, больше не ведает страха. Его терзала лишь невыносимая ментальная боль, раскалывавшая сознание надвое. На одной чаше весов лежали человеческая мораль и чувство долга перед погибшим видом, на другой — слепая, всепоглощающая любовь, оковы которой он не мог разорвать.

Он не мог примириться с даром вечной жизни, оплаченной кровью его расы, но и позволить дочерям погибнуть тоже был не в силах.

Он до безумия любил Мориса. Но этот Морис — великий Асир, безжалостное божество, считающее людей жалкими насекомыми, не заслуживающими пощады.

Эта безысходность выжигала разум. Когда страдание достигло апогея, мысли Хань Цзина иссякли, сменившись спасительной пустотой. Он бездумно брел вперед, ведомый лишь инстинктом, пока не оказался на теневой стороне Города богов.

Величественный мегаполис бессмертных оказался не так безупречен, как казалось на первый взгляд. За фасадным блеском скрывалась изнанка — чудовищное зрелище, от которого кровь стыла в жилах.

Иссиня-черный камень уходил в бесконечную даль. Золотые жилы, подобные оголенным нервным окончаниям колоссального мозга, ритмично пульсировали под ногами. Сверкающие сапфировые стены и идеальные пропорции зданий сменились переплетением толстых золотых отростков. Они вились исполинскими лианами, закручиваясь в спирали и образуя глухой, замкнутый кокон, напоминающий сложную анатомическую схему нервной системы.

На этих живых, вздымающихся от пульсации золотых стеблях висели обнаженные человеческие тела. Огромное количество фигур плотно покрывало биомеханические конструкции, напоминая гроздь жутких спелых плодов.

Все они превратились в безликие сосуды. Головы несчастных были безжизненно опущены, длинные спутанные волосы скрывали черты лиц. Они больше не чувствовали боли, лишившись разума и воспоминаний. Пустые, послушные оболочки, опутанные золотыми жилами, послушно ждали своей участи.

«А ведь это... не самый плохой исход», — внезапно промелькнуло в сознании Хань Цзина.

Он протянул дрожащую руку и коснулся одной из оболочек, все еще хранившей слабое физическое тепло. Он тихо позвал, но тело не отреагировало. Безмыслие означало избавление

от страданий.

Хань Цзин горько усмехнулся, но, подняв взгляд выше, внезапно замер. Дыхание перехватило, а рука безвольно повисла в воздухе.

Неужели это Форсети?!

Там, под самым сводом, опутанная золотыми путами, висела фигура. Из-под черных шелковистых прядей проглядывало бледное лицо с закрытыми глазами. Сходство было поразительным.

Мир вокруг покачнулся, расплываясь в лихорадочном бреду. Лица близких замелькали перед глазами безумным калейдоскопом: мать, отец, сестра, верные друзья, русал Симо... Прошрое мешалось с настоящим, нежные воспоминания — с кошмаром пролитой крови. Голову сдавило тисками, слезы застилали взор. Не помня себя от отчаяния, Хань Цзин вцепился руками в золотые жгуты, пытаясь взобраться наверх и сорвать висящее тело!

Он не знал наверняка, был ли это Форсети. В его безумном порыве перед ним предстали все те, кого он любил и потерял. Он не чувствовал, как колющие отростки впиваются в его собственную плоть, не замечал смертельной опасности — им двигало лишь одно желание: разрушить, разбить этот проклятый инкубатор! Но золотые жилы уже начали обвивать его руки, затягиваясь петлями на теле, готовые поглотить его. Разум Хань Цзина окончательно сдался безумию.

В тот самый миг, когда золотые путы готовы были окончательно поглотить его, а истерзанный разум окончательно погрузился в безумие, перед ним возник Асир. На его безупречном лице впервые застыли дикий испуг и отчаяние.

Покои величественного замка были погружены в прохладный покой. Энергия Хвер дремала, лениво переливаясь в воздухе подобно тихому вечернему бризу. За панорамными окнами раскинулась глубокая, безмятежная ночь. Звездный купол мерцал мириадами огней, и время от времени по черному бархату неба проносились яркие росчерки падающих метеоров.

— Кэтрин и Алиса уже уснули, — негромко произнес Асир, появляясь из полумрака.

Его серебряные волосы мягкими волнами ниспадали на плечи. Безупречные черты лица дышали безмятежностью, а золотые глаза светились теплотой, напоминающей тихие весенние заводы. Во всем его облике сквозило величие, затмевающее любую роскошь смертного мира.

— Что с тобой? Устал читать? — Асир наклонился и поднял с пола упавшую книгу.

Хань Цзин, полулежавший на постели, приподнялся и ласково притянул его к себе, заключая в объятия.

— Я лишь вскользь упомянул об этом... Откуда в тебе столько чуткости?

— Жаль только, что я почти ничего не помню. Даже то, что написано в этих книгах, кажется мне чужим, — с легким вздохом сожаления прошептал Хань Цзин.

Когда-то он невзначай обмолвился, что тоскует по ощущению настоящих бумажных страниц — то ли видел это во сне, то ли сохранил в осколках стертого прошлого. Он и подумать не мог, что Асир отнесется к его словам так серьезно. Спустя всего несколько дней тот принес ему книги — именно такие, о каких он грезил.

— Не спеши, — Асир нежно коснулся его щеки, заглядывая в глаза. — Впереди у нас вечность и бесчисленные годы. Мне не хочется видеть тебя изнуренным.

Хань Цзин перехватил его ладонь, прижал к своим губам и тихо спросил:

— Все вокруг трепещут перед твоим величием. Боятся тебя. Почему же мне совсем не страшно?

Асир лишь мягко улыбнулся в ответ, позволяя гладить себя по лицу и перебирать шелковистые серебряные пряди.

— Мне снова снился долгий, бесконечный сон, — задумчиво протянул Хань Цзин. — Он был невероятно печальным, но едва я открыл глаза, все стерлось. Как думаешь... может, это отголоски того, что случилось со мной когда-то давно?

Хань Цзин заметил, как в золотых глазах Асира на миг промелькнула тень глубокой, затаенной скорби. Сердце Хань Цзина сжалось от щемящей нежности, и он мягко поцеловал любимого в лоб.

— Во сне ты был совсем другим. Холодным, грозным божеством, не знающим жалости. Точно таким, каким тебя видят чужаки. Я проснулся в панике от страха, что ты и впрямь можешь стать таким.

— Глупости, — в голосе Асира зазвучала бесконечная нежность. Он преданно посмотрел на Хань Цзина. — Мое сердце принадлежит только тебе. Из жизни в жизнь, из века в век — я буду рядом. Этого никто не изменит.

Асир редко баловал его признаниями. Хань Цзин на мгновение замер, а затем бережно увлек его в поцелуй, сминая податливые губы и крепче прижимая к себе. Асир больше не пытался сдерживать вспыхнувшее желание. Да и не хотел. Он обвил руками шею Хань Цзина, жадно

отвечая на ласку. Даже сквозь плотную ткань одежд их прикосновения отзывались лихорадочным жаром, заставляя тела мелко подрагивать от нетерпения.

— Я люблю тебя...

— Морис...

— Морис... — выдыхал Хань Цзин между поцелуями, покрывая горячими губами мочку его уха и шею.

Это имя, похороненное на самом дне его заблокированной памяти, невозможно было искоренить. Оно вырывалось само, неосознанно, точно древнее заклятие. И каждый раз, слыша его, Асир слабел, полностью растворяясь в руках возлюбленного.

Шелковые одежды соскользнули на пол, обнажая безупречное тело. Гладкая кожа порозовела от возбуждения, излучая мягкий соблазнительный блеск.

Опустившись на ложе, Асир не отрывал сияющих золотом глаз от темного взгляда Хань Цзина. Он плавился в его объятиях, подаваясь навстречу настойчивым, уверенным толчкам. Мощное, глубокое проникновение вызвало резкий выдох — волна обжигающего наслаждения захлестнула обоих, затапливая сознание и подчиняя себе каждое движение.

Внутри все полыхало. Тело, давно познавшее сладость этих ласк, идеально принимало Хань Цзина. Любимый знал каждый сантиметр его плоти. С каждым новым толчком он намеренно и глубоко задевал самые чувствительные, самые сокровенные точки, заставляя Асира плавиться от невыносимого, острого экстаза.

Асир стремительно терял контроль. Охваченный бушующим ураганом страсти, он отчаянно цеплялся за плечи Хань Цзина, тихо всхлипывая от переполнявших его чувств. Изгибаясь под тяжестью чужого тела, он инстинктивно подавался бедрами навстречу, стремясь принять мужчину еще глубже. Это граничило с мукой и высшим блаженством одновременно. Его золотые глаза подернулись влажной дымкой, он содрогался в чужих объятиях, безостановочно шепча единственное имя:

— Хань Цзин...

— Хань Цзин...

— Я здесь... Не бойся...

— Морис... — Хань Цзин покрывал его лицо поцелуями, сжимая в объятиях содрогающееся в разрядке тело. Он ласкал своего бога, даруя ему успокоение, но так и не замедлил темп, растворяясь в греховном экстазе посреди безмолвного и величественного Города богов.

<http://bllate.org/book/19677/2006510>